

АЗБУКА-КЛАССИКА

NON-FICTION

ТОМАС
ГОББС

*Левиафан,
или Материя, форма
и власть государства
церковного
и гражданского*

Санкт-Петербург

УДК 172.1
ББК 87.3(0)
Г 57

Перевод с английского А. Гутермана

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки В. Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-17996-7

© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

*Моему высокочтимому другу
мистеру Фрэнсису Годольфину
из Годольфина*

Уважаемый сэр!

Вашему достойнейшему брату мистеру Сиднею Годольфину угодно было при жизни признавать за моими научными работами некоторую ценность, а также и другим образом, как Вы знаете, обязать меня знаками своего доброго мнения, ценными сами по себе и особенно ценными благодаря достоинствам его личности. Ибо все добродетели, располагающие человека к служению Богу или своей стране, к гражданскому общежитию или личной дружбе, ярко проявлялись в его личности не как нечто приобретенное в силу необходимости и не как порождение случайного аффекта, а как нечто присущее ему и проникающее благородный строй его натуры. Поэтому в знак уважения и благодарности к нему и преданности к Вам я смиренно посвящаю Вам этот мой трактат о государстве. Я не знаю, как свет примет этот труд и что будут думать о тех, кого сочтут его покровителями. Ибо по дороге, осажденной борющимися армиями, из которых одна борется за слишком большую свободу, а другая — за слишком широкие полномочия власти, трудно пройти невредимым. Однако мне думается, что стремление поднять авторитет гражданской власти не будет осуждено ни гражданской властью, ни частными лицами, заявляющими, что они эту власть считают чрезмерной. Впрочем, я говорю не о людях у власти, а (абстрактно) о седалище власти (подоб-

но тем простодушным и беспристрастным существам в римском Капитолии, которые своим шумом спасли тех, кто находился в нем, не потому, что это были именно данные лица, а лишь потому, что они были там), нанося вред, как я полагаю, лишь тем, кто находится вне Капитолия¹, или тем, что, находясь внутри, содействует находящимся вне его. То обстоятельство, что некоторые тексты Священного Писания я использую в иных целях, нежели они обычно используются другими, больше всего, может быть, способно вызвать недовольство. Но делал я это с должным смирением, а также в силу необходимости (диктуемой задачей моего труда), ибо эти тексты являются укреплениями врагов, из-за которых они атакуют гражданскую власть. Если все-таки Вы увидите, что труд мой встречает всеобщее порицание, то Вы можете оправдать себя, заявляя, что я — человек, любящий собственные взгляды и полагающий истиной все то, что говорю; что я уважал Вашего брата и уважаю Вас и осмелился на этом основании присвоить себе без Вашего ведома право считать себя,

сэр,

Вашим смиреннейшим

и покорнейшим слугой.

Т. Гоббс

Париж, апрель 15/25 1651.

¹ Речь идет о легендарном эпизоде из истории Древнего Рима, когда галлы вознамерились захватить ночью осажденный Капитолий, однако римляне были вовремя разбужены гусями и смогли отразить атаку. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

ВВЕДЕНИЕ

Человеческое *искусство* (искусство, при помощи которого Бог создал мир и управляет им) является подражанием природе как во многих других отношениях, так и в том, что оно умеет делать искусственное животное. Ибо, наблюдая, что жизнь есть лишь движение членов, начало которого находится в какой-нибудь основной внутренней части, разве не можем мы сказать, что все *автоматы* (механизмы, движущиеся при помощи пружин и колес, как, например, часы) имеют искусственную жизнь? В самом деле, что такое *сердце*, как не *пружина*? Что такое *нервы*, как не такие же *нити*, а *суставы* — как не такие же *колеса*, сообщающие движение всему телу так, как этого хотел мастер? Впрочем, *искусство* идет еще дальше, имитируя разумное и наиболее превосходное произведение природы — человека. Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой или Государством (Commonwealth, or State), по-латыни — Civitas, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан. В этом Левиафане *верховная власть*, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная *душа*; должностные лица и другие *представители судебной и исполнительной власти* — *искусственные суставы*; *награда и наказание* (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуж-

даются исполнить свои обязанности) представляют собой *нервы*, выполняющие такие же функции в естественном теле; *благосостояние* и *богатство* всех частных членов представляют собой его *силу*; *salus populi*, *безопасность народа*, — его занятие; *советники*, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой *память*; *справедливость* и *законы* суть искусственный *разум* (*reason*) и *воля*; *гражданский мир* — *здоровье*; *смута* — *болезнь*, и *гражданская война* — *смерть*. Наконец, *договоры* и *соглашения*, при помощи которых были первоначально созданы, сложены вместе и объединены части политического тела, похожи на то «*fiat*», или «*сотворим человека*», которое было произнесено Богом при акте творения.

Чтобы описать природу этого искусственного человека, я буду рассматривать:

во-первых, материал, из которого он сделан, и его *мастера*, т. е. человека;

во-вторых, как и путем каких *соглашений* он был создан, каковы точно *права* и *власть* или *авторитет суверена* и что сохраняет государство и что его разрушает;

в-третьих, что такое христианское государство.

Наконец, что такое царство тьмы (*kingdom of darkness*).

В отношении первого пункта в последнее время широко пошла в ход поговорка, что мудрость приобретает-ся чтением не книг, а людей. Вследствие этого те лица, которые по большей части не могут представить никакого другого доказательства своей мудрости, рады показать, что́ они, по их мнению, вычитали в людях, немилосердно порицая друг друга за глаза. Есть, однако, другая поговорка, которую в последнее время перестали понимать и следуя которой указанные лица, если бы постарались, могли бы действительно научиться читать друг друга. Это именно афоризм *nosce te ipsum*¹, *читай*

¹ Познай самого себя (*лат.*).

самого себя. Смысл этого афоризма сводится не к тому, чтобы, как это стало теперь обыкновением, поощрять людей, власть имущих, к варварскому отношению к людям, стоящим ниже их, или подстрекать людей низкого происхождения к дерзкому поведению по отношению к людям вышестоящим, а к тому, чтобы поучать нас, что в силу сходства мыслей и страстей одного человека с мыслями и страстями другого всякий, кто будет смотреть внутрь себя и соображать, что он делает, когда он *мыслит, предполагает, рассуждает, надеется, боится* и т. д., и по каким мотивам он это делает, будет при этом читать и знать, каковы бывают при подобных условиях мысли и страсти всех других людей. Я говорю о сходстве самих *страстей*, которые одинаковы у всех людей, — о *желании, страхе, надежде* и т. п., а не о сходстве объектов этих страстей, т. е. вещей, которых *желают, боятся, на которые надеются* и т. п., ибо последние различаются в зависимости от индивидуального устройства человека и особенностей его воспитания и легко ускользают от нашего познания, так что буквы человеческой души, загрязненные и запутанные обычно притворством, ложью, лицемерием и ошибочными учениями (*doctrines*), разборчивы только для того, кто ведает наши сердца. И хотя при наблюдении действий людей мы можем иногда открыть их намерения, однако делать это без сопоставления с нашими собственными намерениями и без различения всех обстоятельств, могущих внести изменения в дело, — все равно что расшифровывать без ключа, и в большинстве случаев это значит быть обманутым или в силу слишком большой доверчивости, или в силу слишком большого недоверия в зависимости от того, является ли сам читатель в человеческих сердцах хорошим или плохим человеком.

Впрочем, как бы превосходно один человек ни читал в другом на основе его действий, он это может осуществить лишь по отношению к своим знакомым, чис-

ло которых ограничено. Тот же, кто должен управлять целым народом, должен постичь (to read) в самом себе не того или другого отдельного человека, а человеческий род. И хотя это трудно сделать, труднее, чем изучить какой-нибудь язык или отрасль знания, однако, после того как я изложу то, что читаю в самом себе, в методической и ясной форме, другим останется лишь рассмотреть, не находят ли они то же самое также и в самих себе. Ибо этого рода объекты познания не допускают никакого другого доказательства.

ЧАСТЬ I

О человеке

ГЛАВА I

Об ощущении

Что касается человеческих мыслей, то я буду их рассматривать сначала отдельно, а затем в их связи или взаимной зависимости. Взятые отдельно, каждая из них есть *представление* (representation) или *призрак* (apparance) какого-либо качества или другой акциденции тела вне нас, называемого обычно *объектом*. Объект действует на глаза, уши и другие части человеческого тела и в зависимости от разнообразия своих действий производит разнообразные призраки.

Начало всех призраков есть то, что мы называем *ощущением* (sense) (ибо нет ни одного понятия в человеческом уме (mind), которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущения). Все остальное есть производное от него.

Для понимания вопросов, трактуемых в настоящей книге, знание естественной причины ощущения не очень необходимо; и об этом я и писал подробно в другом месте. Тем не менее, чтобы развить каждую часть моей настоящей системы, я здесь вкратце изложу сказанное там.

Причиной ощущения является внешнее тело, или объект, который давит на соответствующий каждому ощущению орган непосредственно, как это бывает при вкусе и осязании, или опосредствованно, как при зрении, слухе и обонянии. Это давление, продолженное внутрь посредством нервов и других волокон и перепонки тела до мозга и сердца, вызывает здесь сопротивле-

ние, или обратное давление, или усилие сердца освободиться. Так как это усилие направлено вовне, оно кажется нам чем-то находящимся снаружи. И это *кажущееся* (seeming), или этот *призрак* (fancy), люди называют *ощущением*. В отношении глаза это есть ощущение *света* или *определенного цвета*, в отношении уха — ощущение *звука*, в отношении ноздрей — ощущение *запаха*, в отношении языка и нёба — ощущение *вкуса*, а для всего остального тела — ощущение *жары, холода, твердости, мягкости* и других качеств, которые мы различаем при помощи *чувства*. Все эти так называемые *чувственные* качества являются лишь разнообразными движениями материи внутри вызывающего их объекта, движениями, посредством которых объект различным образом давит на наши органы. Точно так же и в нас, испытывающих давление, эти качества являются не чем иным, как разнообразными движениями (ибо движение производит лишь движение). Но то, чем они нам кажутся наяву, точно так же как и во сне, есть призрак. И подобно тому как давление, трение или ушиб глаза вызывают в нас призрак света, а давление на ухо производит шум, точно так же и тела, которые мы видим или слышим, производят то же самое своим сильным, хотя и не замечаемым нами, действием. В самом деле, если бы те цвета или звуки были в телах или объектах, которые их производят, они не могли бы быть отделены от них, как мы это наблюдаем при отражении в зеркале или когда слышим эхо; в этих случаях мы знаем: объект, который мы видим, находится в одном месте, а призрак — в другом. И хотя на определенном расстоянии представляется, будто произведенный нашей фантазией образ заключается в реальном и действительном объекте, который порождает его в нас, тем не менее объект есть одно, а воображаемый образ, или призрак, — нечто другое. Таким образом, ощущение во всех случаях есть по своему происхождению лишь призрак, вызванный (как

я сказал) давлением, т. е. движением находящихся вне нас объектов, на наши глаза, уши и другие предназначенные для этого органы.

Однако во всех университетах христианского мира философы-схоластики, основываясь на некоторых текстах Аристотеля, учат другой доктрине. В отношении причины зрения они говорят, что видимая вещь посылает во все стороны *visible species*, что по-английски означает *внешняя видимость, призрак (apparition), вид (aspect)* или *видимое видение*, проникновение которого в глаз есть зрение. И в отношении причины слуха они говорят, что слышимая вещь посылает *audible species*, т. е. *слышимый вид* или *слышимое видение*, проникновение которого в ухо производит слух. Более того, в отношении причины понимания они также говорят, что понимаемая вещь посылает *intelligible species*, т. е. *умственное видение*, проникновение которого в рассудок (*understanding*) производит наше понимание. Я говорю это не для отрицания пользы университетов. Но, так как мне придется позже говорить об их роли в государстве, я не должен пропустить случая попутно показать вам, каковы их недостатки, а одним из них является частое употребление ничего не значащих слов.

ГЛАВА II

О представлении (*Imagination*)

Никто не сомневается в той истине, что вещь, находящаяся в состоянии покоя, навсегда остается в этом состоянии, если ничто другое не будет двигать ее; но не так легко соглашаются с тем, что вещь, находящаяся в состоянии движения, всегда будет в движении, если ничто другое не остановит ее, хотя основание в первом и во втором случае одно и то же (а именно что ни одна вещь не может сама менять свое состояние). Объясняется это тем, что люди судят по себе не только о других

людях, но и о всех других вещах, и так как после движения они чувствуют боль и усталость, то полагают, что всякая вещь устает от движения и ищет по собственному влечению отдых; при этом рассуждающие так не спрашивают себя, не есть ли само это желание покоя, которое они в себе находят, лишь другое движение. Исходя из только что указанных соображений, схоластики говорят, что тяжелые тела падают вниз из стремления к покою и из желания сохранить свою природу в таком месте, которое наиболее пригодно для них, и, таким образом, бессмысленно приписывают неодушевленным вещам стремление и знание того, что пригодно для их сохранения (знание большее, чем то, которым обладает человек).

Раз тело находится в движении, оно будет двигаться (если что-нибудь не помешает этому) вечно, и, что бы ни препятствовало этому движению, оно прекратит его не мгновенно, а лишь в определенный промежуток времени и постепенно. Подобно тому как мы наблюдаем в воде, что волны продолжают еще катиться долгое время, хотя ветер уже стих, то же самое бывает с тем движением, которое производится во внутренних частях человека, когда он видит наяву, когда ему снится и т. д. Ибо, после того как объект удален или глаза закрыты, мы все еще удерживаем образ виденной вещи, хотя и более смутно, чем когда мы ее видим. Именно это римляне называют *воображением* — от образа, полученного при зрении, применяя это слово, хотя и неправильно, ко всем другим ощущениям. Но греки называют это фантазией (*fancy*), что означает *призрак* (*apparance*) и что применимо как к одному, так и к другому ощущению. Воображение есть поэтому лишь *ослабленное ощущение* и присуще людям и многим другим живым существам как во сне, так и наяву.

Ослабление ощущения у бодрствующих людей есть не ослабление движения, произведенного при ощущении, а лишь затемнение его, подобно тому как свет

солнца затемняет свет звезд. Звезды днем не в меньшей степени, чем ночью, проявляют те качества, благодаря которым они бывают видимы. Но так как из всех раздражений, которые наши глаза, уши и другие органы получают от внешних тел, мы ощущаем лишь преобладающее, то ввиду преобладания света солнца мы не ощущаем действия звезд. Вот почему если какой-нибудь объект удаляется от наших глаз, то, хотя впечатление, произведенное им, остается, все же ввиду того, что его место заступают другие, более близкие объекты, которые действуют на нас, представление прежнего объекта затемняется и слабеет, подобно тому как это бывает с человеческим голосом в шуме дня. Отсюда следует, что чем длительнее время, протекшее после акта зрения или ощущения какого-нибудь объекта, тем слабее его образ, так как непрерывное изменение человеческого тела с течением времени разрушает частицы, находящиеся в движении в акте ощущения. Расстояние во времени и в пространстве, таким образом, оказывает на нас одно и то же действие. Подобно тому как предметы, видимые нами на большом расстоянии, представляются нам тусклыми и не имеющими мелких деталей, а слышимые голоса становятся слабыми и нерасчлененными, точно так же после большого промежутка времени слабеет наш образ прошлого, и мы забываем (к примеру) отдельные улицы виденных нами городов, многие отдельные обстоятельства событий. Это *ослабленное ощущение*, когда желаем обозначить саму вещь (т. е. вообразить (*fancy*) саму ее), мы называем, как я сказал, *представлением*. Но когда мы желаем выразить факт ослабления и обозначить, что ощущение поблекло, устарело и отошло в прошлое, мы называем его *памятью*.

Память (*memory*). Таким образом, *представление* и *память* обозначают одну и ту же вещь, которая лишь в зависимости от различного ее рассмотрения имеет разные названия.

Богатая память (*much memory*), или память о многих вещах, называется *опытом*. Опять-таки, так как мы имеем представление лишь о тех вещах, которые мы раньше восприняли ощущением целиком сразу или по частям в разное время, то в первом случае — например, когда мы представляем весь объект, как он представлялся ощущению, — мы имеем *простое* представление; так мы представляем себе человека или лошадь, которых мы видели раньше; во втором же случае мы имеем *сложное представление* — например, когда мы от созерцания человека в одно время и лошади в другое время создаем в уме образ кентавра. Таким образом, когда человек складывает образ своей собственной личности с образом действий другого человека, воображая себя, например, Геркулесом или Александром (что часто случается с теми, кто слишком отдается чтению романов), то мы имеем сложное представление и, собственно говоря, умственную фикцию. Бывают также другие представления, возникающие у людей (хотя и бодрствующих) от слишком сильного воздействия на органы ощущения. Так, например, если мы загляделись на солнце, впечатление образа солнца остается перед нашими глазами долгое время спустя; точно так же человек, долго и интенсивно работавший над геометрическими фигурами, будет и в темноте (несмотря на то что он бодрствует) иметь перед глазами образы линий и углов. Так как этот род фантазии обыкновенно не приходится к слову в разговорах людей, то он и не имеет особого названия.

Сновидения. Представления спящих мы называем *сновидениями*. Эти последние так же (как все другие представления) были раньше целиком или частями в ощущении. Но мозг и нервы, эти необходимые органы ощущения, слишком скованы сном и с трудом могут быть движимы действием внешних объектов, чтобы испытывать ощущения. Поэтому сновидения могут

иметь место лишь постольку, поскольку они проистекают из возбуждения внутренних частей человеческого тела. Когда эти внутренние части бывают раздражены, то они в силу их связи с мозгом и другими органами держат последние в состоянии движения, ввиду чего прежде приобретенные представления появляются, как если бы человек бодрствовал, и раз органы ощущения столь скованы, что нет ни одного нового объекта, который мог бы овладеть ими и затемнить эти представления более сильным впечатлением, то сновидения по необходимости должны быть более яркими при этом бездействии ощущений, чем наши представления наяву. Отсюда проистекает трудность, а в отношении многих представлений — невозможность точного различения между ощущением и сном. Что касается меня, то, принимая во внимание, что во сне я не часто и не постоянно думаю о тех же лицах, местах, предметах и действиях, о которых думаю наяву, и что я не припоминаю во сне такого длинного ряда связанных мыслей, как в другое время, а также ввиду того, что в бодрствующем состоянии я часто замечаю нелепость моих сновидений, но никогда не думаю во сне о нелепости своих мыслей наяву, — то я вполне убежден, что, находясь в бодрствующем состоянии, я не сплю, хотя во сне и воображаю себя бодрствующим.

Так как мы видим, что сновидения порождаются раздражением некоторых внутренних частей тела, то разные раздражения необходимо должны вызывать различные сны. Вот почему пребывание в холоде порождает страшные сны и вызывает мысль и образ чего-то страшного (ибо движение от мозга к внутренним частям и от внутренних частей к мозгу бывает взаимно); и так как гнев порождает жар в некоторых частях тела, когда мы бодрствуем, то слишком сильное нагревание тех же частей, когда мы спим, порождает гнев и вызывает в мозгу образ врага. Точно так же если естествен-

ная красота вызывает желание, когда мы бодрствуем, а желание порождает жар в некоторых других частях тела, то слишком большой жар в этих частях, когда мы спим, вызывает в мозгу образы прекрасного. Короче говоря, наши сновидения — это обратный порядок наших представлений наяву. Движение в бодрствующем состоянии начинается на одном конце, а во сне — на другом.

Призраки, или видения. Труднее всего отличить сновидения человека от его мыслей наяву, когда мы по какой-нибудь случайности не замечаем, что спали, как это легко может случиться с человеком, которого тяготят страшные мысли и сильные укоры совести, а также с человеком, который спит не раздеваясь и не в постели, например с тем, кто дремлет, сидя в кресле. Ведь если какое-нибудь необычайное и необъяснимое явление представится тому, кто раздевается перед сном и старательно готовится ко сну, то он вряд ли примет это за нечто иное, чем сон. Мы читаем о Марке Бруте (которому Юлий Цезарь спас жизнь и который был также фаворитом последнего и тем не менее убил его), что он в ночь накануне сражения при Филиппах, данного им Августу Цезарю, видел ужасное явление, о котором историки обычно рассказывают как о видении. Но, принимая во внимание обстоятельства, можно легко догадаться, что это был лишь короткий сон. В самом деле, сидя в своей палатке, задумавшись и будучи в ужасе от своего безрассудного деяния, он легко мог, вздремнув в прохладе, видеть сон о том, что его более всего ужасало. Тот же страх, по мере того как Брут постепенно просыпался, неизбежно должен был также заставлять явление постепенно исчезнуть. Брут же, не уверенный в том, что он спал, не мог иметь никакого основания считать это сном или чем-либо иным, а не видением. Такие случаи нередки, ибо даже совершенно бодрствующие люди, если они робки и суеверны, начинены вся-

кими страшными сказками и находясь одни в темноте, подвержены подобного рода иллюзиям. Они верят, что видят бродящих по кладбищу духов и привидения умерших людей, между тем как это лишь их фантазия или же проделка некоторых лиц, пользующихся подобным суеверным страхом, чтобы пройти ночью переодетыми в такие места, посещение которых они желали бы оставить в тайне.

Вследствие незнания, каким образом отличить сновидения и другие яркие фантастические образы от того, что мы видим и ощущаем наяву, и возникло в прошлом большинство религий язычников, поклонявшихся сатирам, фавнам, нимфам и т. п. В настоящее время такое незнание порождает у невежественных людей их мнения о русалках, привидениях, домовых и могуществе ведьм. Ибо, что касается ведьм, я полагаю, что их колдовство не есть реальная сила, и тем не менее я думаю, что их справедливо наказывают за их ложную уверенность, будто они способны причинять подобное зло, — уверенность, соединенную с намерением причинить это зло, будь они на то способны. Их колдовство ближе к религии, чем к искусству и науке. Что же касается русалок и бродячих привидений, то я полагаю, что такие взгляды распространялись или не опровергались с целью поддерживать веру в полезность заклинания бесов, крестов, святой воды и других подобных изобретений духовных лиц. Не приходится, конечно, сомневаться в том, что Бог может сотворить сверхъестественные явления (*unnatural apparitions*). Но что Бог это делает так часто, что люди должны бояться таких вещей больше, чем они боятся приостановки или изменения хода природы, что Бог тоже может совершить, — это не является догматом христианской веры. Под тем предлогом, что Бог может сотворить всякую вещь, дурные люди смело утверждают все что угодно, если только это служит их целям, хотя бы они сами считали это неверным.

Разумный человек должен верить этим людям лишь постольку, поскольку правильное рассуждение заставляет считать правдоподобным то, что они говорят. Если бы эта суеверная боязнь духов была устранена, а вместе с ней и предсказания на основании снов, ложные пророчества и другие связанные с этим вещи, при помощи которых хитрецы и властолюбцы околпачивают простодушный народ, то люди были бы более склонны повиноваться гражданской власти, чем это имеет место теперь.

Искоренение таких предрассудков должно было быть делом школьных учителей, но последние скорее потакают такого рода воззрениям (doctrine). Ибо (не зная, что такое представление или ощущение) они учат по традиции: одни говорят, что представления возникают сами по себе и не имеют никакой причины, другие — что они обычно порождаются волей и что добрые мысли вдвываются в человека (внушаются ему) Богом, а злые мысли — дьяволом или что добрые мысли влиты (вселены) в человека Богом, а злые — дьяволом. Некоторые говорят, что ощущения получают образы вещей и передают их общему ощущению, а общее ощущение передает их воображению, а воображение — памяти, а память — способности суждения, точно речь идет о вещах, переходящих из рук в руки, и все это с большим количеством слов, которые ровным счетом ничего не объясняют.

Понимание (Understanding). Представление, которое вызывается в человеке (или в каком-нибудь другом существе, одаренном способностью иметь представления) словами или другими произвольными знаками, есть то, что мы обычно называем *пониманием*, и оно обще и человеку, и животному. Ибо собака, как и многие другие животные, по привычке будет понимать зов или порицание своего хозяина. Понимание же, составляющее специфическую особенность человека, состо-

ит в понимании не только воли другого человека, но и его идей и мыслей, поскольку последние выражены последовательным рядом имен вещей, соединенных в утверждения, отрицания и другие формы речи. О понимании этого рода я буду говорить ниже.

ГЛАВА III

О последовательности или связи представлений

Под *последовательностью*, или *связью* мыслей, я понимаю то следование мыслей друг за другом, которое называют (в отличие от речи, выраженной словами) *мысленной речью*.

Когда человек думает о какой-нибудь вещи, то непосредственно следующая за этим мысль не является совершенно случайной, как это кажется. Мысли не следуют безразлично одна за другой. Напротив, подобно тому как мы не имеем никакого представления о том, чего не было когда-то целиком или частично в нашем ощущении, точно так же мы не имеем перехода от одного представления к другому, если мы никогда раньше не имели подобного перехода в наших ощущениях. Это имеет следующее основание. Все представления суть движения внутри нас, являющиеся остатками движений, произведенных в ощущении. И те движения, которые непосредственно следуют друг за другом в ощущении, продолжают следовать в том же порядке и после исчезновения ощущения, так что если предыдущее движение снова имеет место и является преобладающим, то последующее, в силу связанности движимой материи, следует за ним таким же образом, как вода на гладком столе следует в том направлении, в котором какая-либо капля ее водится пальцем. Но так как за одной и той же воспринятой вещью в ощущении иногда следует одна вещь, а иногда другая, то с течением вре-

мени случается, что, представляя себе одну вещь, мы не можем сказать с уверенностью, каково будет наше ближайшее представление. Одно лишь можно уверенно сказать, а именно что это будет нечто следовавшее за имеющимся у нас представлением в то или иное время ранее.

Неупорядоченная связь мыслей. Связь мыслей, или мысленная речь, бывает двоякого рода. Первого рода связь *не упорядочена, не скреплена определенным намерением* и не постоянна. В ней нет захватывающей мысли, которая владела бы следующими за ней мыслями и направляла бы их к себе как к желательной и страстной цели. В таком случае мысли, как говорят, блуждают и кажутся не подходящими друг к другу, подобно тому как это бывает во сне. Таковы обычно мысли тех людей, которые не только находятся вне общества, но и ничем определенным не озабочены. Хотя в таком состоянии их мысль работает так же, как и в другое время, но без всякой гармонии, как звуки, которые издает расстроенная лютня или настроенная — под руками того, кто не умеет играть. Но и в этой беспорядочной скачке мыслей часто можно открыть определенное направление и зависимость одной мысли от другой. Например, казалось бы, что может быть нелепее — при разговоре о нынешней гражданской войне¹ задать вопрос (как это сделал один собеседник) о том, какова была ценность римского сребреника? Однако для меня связь вполне очевидна. Именно мысль о войне повела к мысли о выдаче короля его врагам, а эта мысль повлекла за собой мысль о том, как был предан Христос, что, в свою очередь, навело на мысль о тридцати сребрениках, которые были ценой предательства, а отсюда легко вытекал приведенный ядовитый вопрос, и все это в течение одного мгновения, ибо мысли текут быстро.

¹ Здесь говорится о гражданской войне в Англии (1642–1646) между сторонниками короля и парламента.

Упорядоченная связь мыслей. Второго рода связь более постоянна, так как она *упорядочивается* каким-нибудь желанием или намерением. Ибо впечатление, произведенное вещью, которую мы желаем или боимся, сильно и непрерывно или же (в случае его временного исчезновения) оно быстро возвращается; иногда оно бывает настолько сильно, что нарушает наш сон. От желания возникает мысль о некоторых средствах, при помощи которых, как нам уже довелось видеть, достигалось нечто подобное тому, к чему мы стремимся, а от этой мысли — мысль о средствах достижения этих средств и т. д., пока мы не доходим до некоего начала, находящегося в нашей собственной власти. Так как цель благодаря силе произведенного ею впечатления часто приходит на ум, то, если мысли начинают блуждать, они опять быстро приводятся в порядок. Это было замечено одним из семи мудрецов¹ и побудило его предписать людям то правило, которым теперь пренебрегают, а именно *respice finem*, что значит: во всех ваших действиях чаще имейте перед глазами то, чего вы хотите достигнуть, как ту вещь, которая направляет все ваши мысли на путь к достижению цели.

Упорядоченная связь мыслей бывает двоякого рода. Связь одного рода имеется тогда, когда мы, имея какое-нибудь воображаемое следствие, ищем производящие его причины или средства; такая связь присуща как человеку, так и животному. Связь другого рода имеется тогда, когда, представляя какую-нибудь вещь, мы ищем все возможные следствия, которые могут быть произведены ею, — иначе говоря, представляем себе, что мы можем делать с ней, когда будем ею владеть. Признаков этого рода связи мыслей я никогда не наблюдал ни у кого другого, кроме как у человека, ибо

¹ Семь мудрецов древности: Фалес Милетский, Солон Афинский, Биант Приенский, Питтак Митиленский, Клеобул из Линда, Мисон из Хены, Хилон из Спарты.

такого рода любопытство вряд ли присуще какому-нибудь живому существу, имеющему лишь чувственные страсти, каковы голод, жажда, похоть и гнев. Короче говоря, мысленная речь, если она направляется какой-нибудь целью, есть лишь *искание* или способность к открытиям, то, что римляне называли *sagacitas* и *soler-tia* — выискивание причин какого-нибудь настоящего или прошлого следствия какой-нибудь настоящей или прошлой причины. Бывает иногда, что человек ищет то, что потерял. В этом случае с целью обнаружить, где и когда случилась пропажа, он мысленно возвращается с одного места на другое, от одного момента времени к другому, начиная с того места и момента, где и когда он впервые заметил пропажу. Это делается с целью найти определенные и ограниченные моменты времени и пространства, в которых надо начать систематические поиски. Отсюда его мысль снова пробегает те же места и моменты, чтобы найти, какое действие или случай были причиной его потери. Это мы называем *воспоминанием* или вызыванием в уме. Римляне называют это *reminiscentia*, как если бы это было *воспроизведением* в сознании наших прежних действий.

Бывает иногда, что человек знает определенное место, в пределах которого ему следует искать; тогда он мысленно пробегает по всем его частям таким же образом, как потерявший драгоценность стал бы искать ее, бегая с места на место по комнате, или же как гончая рыщет по полю, пока не найдет след, или как человек пробегает словарь, чтобы отыскать рифму.

Благоразумие. Иногда человек желает знать последствия какого-нибудь действия, и тогда он представляет себе подобное действие в прошлом и его результаты, предполагая, что одинаковое действие приводит к одинаковым последствиям. Например, тот, кто предвидит, что последует за преступлением, вспоминает, какие последствия подобного преступления он наблюдал раньше, при этом ход его мыслей следующий: преступление,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
----------------	---

ЧАСТЬ I

О человеке

ГЛАВА I. Об ощущении	11
ГЛАВА II. О представлении (Imagination)	13
ГЛАВА III. О последовательности или связи представлений	21
ГЛАВА IV. О речи	27
ГЛАВА V. О рассуждении (Reason) и научном знании (Science)	39
ГЛАВА VI. О внутренних началах произвольных движений, обычно называемых страстями, и о речах, при помощи которых они выражаются	48
ГЛАВА VII. О целях или результатах рассуждений	62
ГЛАВА VIII. О достоинствах, обычно называемых интеллектуальными, и о противостоящих им недостатках	66
ГЛАВА IX. О различных предметах знания	80
ГЛАВА X. О могуществе, ценности, достоинстве, уважении и достойности	81
ГЛАВА XI. О различии манер	95
ГЛАВА XII. О религии	104
ГЛАВА XIII. О естественном состоянии человеческого рода в его отношении к счастью и бедствиям людей	119
ГЛАВА XIV. О первом и втором естественных законах и о договорах	125

ГЛАВА XV. О других естественных законах	140
ГЛАВА XVI. О личностях, доверителях и об олицетворенных вещах	158

ЧАСТЬ II

О государстве

ГЛАВА XVII. О причинах, возникновении и определении государства	165
ГЛАВА XVIII. О правах суверенов в государствах, основанных на установлении	171
ГЛАВА XIX. О различных видах государств, основанных на установлении, и о преемственности верховной власти ..	183
ГЛАВА XX. Об отеческой и деспотической власти	197
ГЛАВА XXI. О свободе подданных	208
ГЛАВА XXII. О подвластных группах людей, политических и частных	222
ГЛАВА XXIII. О государственных служителях верховной власти	239
ГЛАВА XXIV. О питании государства и о произведении им потомства	245
ГЛАВА XXV. О совете	252
ГЛАВА XXVI. О гражданских законах	262
ГЛАВА XXVII. О преступлениях, оправданиях и о смягчающих вину обстоятельствах	288
ГЛАВА XXVIII. О наказаниях и наградах	309
ГЛАВА XXIX. О том, что ослабляет или ведет государство к распаду	319
ГЛАВА XXX. Об обязанностях суверена	333
ГЛАВА XXXI. О Царстве Бога при посредстве природы ...	353

ЧАСТЬ III

О христианском государстве

ГЛАВА XXXII. О принципах христианской политики	368
ГЛАВА XXXIII. О числе, древности, цели, авторитете и толкователях книг Священного Писания	374

ГЛАВА XXXIV. О значении слов «дух», «ангел» и «вдохновение» в книгах Священного Писания	387
ГЛАВА XXXV. О том, что означают в Писании слова «Царство Божие», «святой», «посвященный» и «таинство» ..	402
ГЛАВА XXXVI. О Слове Божиим и о пророках	411
ГЛАВА XXXVII. О чудесах и об их употреблении	429
ГЛАВА XXXVIII. О том, что понимается в Писании под словами «вечная жизнь», «ад», «спасение», «грядущий мир» и «искупление»	439
ГЛАВА XXXIX. О том, что понимается в Писании под словом «церковь»	456
ГЛАВА XL. О правах Царства Божиего при Аврааме, Моисее, первосвященниках и царях иудейских	460
ГЛАВА XLI. О миссии нашего Святого Спасителя	472
ГЛАВА XLII. О церковной власти	481
ГЛАВА XLIII. О том, что необходимо для принятия человека в Царство Небесное.....	573

ЧАСТЬ IV

О царстве тьмы

ГЛАВА XLIV. О духовной тьме вследствие ошибочного толкования Писания	592
ГЛАВА XLV. О демонологии и о других пережитках религии язычников	623
ГЛАВА XLVI. О тьме, проистекающей из несостоятельной философии и вымышленных традиций.	649
ГЛАВА XLVII. О выгоде, проистекающей от тьмы, и кому эта выгода достается	673
Обозрение и заключение	685

Гоббс Т.

- Г 57 Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Томас Гоббс ; пер. с англ. А. Гутермана. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 704 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-17996-7

Левиафан — имя древнего морского чудовища, упоминаемого в Библии, воплощения природных стихий, подавляющих человеческую волю.

Левиафан — имя, которое дает Томас Гоббс современному государству, где люди обязаны жертвовать частью своих естественных желаний и прав ради собственной безопасности. Закон Левиафана — это закон каждого человека.

«Левиафан» Томаса Гоббса — один из самых важных философских трактатов о теории власти, оказавших колоссальное влияние на развитие культуры, философии и политического устройства современного общества.

УДК 172.1

ББК 87.3(0)

Литературно-художественное издание

ТОМАС ГОББС
ЛЕВИАФАН,
ИЛИ МАТЕРИЯ, ФОРМА И ВЛАСТЬ
ГОСУДАРСТВА ЦЕРКОВНОГО
И ГРАЖДАНСКОГО

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 09.07.2020. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 31,02. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-NFA-26566-01-R